

И. Е. Суриков

ДОСОЛОНОВСКИЕ «ШЕСТИДОЛЬНИКИ» И ДОЛГОВОЙ ВОПРОС В АРХАИЧЕСКИХ АФИНАХ

Один из самых дискуссионных вопросов социально-экономической истории архаического греческого мира связан с положением в афинском полисе накануне солоновских реформ, на рубеже VII–VI вв. до н.э. Те источники, которые имеются в нашем распоряжении¹ (а это прежде всего стихотворения самого Солона, ряд пассажей в «Афинской политике» Аристотеля² и в солоновской биографии, написанной Плутархом), рисуют картину достаточно жесткого кризиса, но природа самого этого кризиса интерпретируется в исследовательской литературе с очень большими вариациями.

Как бы ни были разнородны и неодинаковы по своей значимости перечисленные свидетельства источников (достаточно сказать, что Солон был современником событий, а Плутарха отделяло от них много веков), целесообразнее всего, видимо, будет начать с их цитирования, чтобы сразу было понятно, о чем идет речь.

Начнем с «Афинской политики», поскольку ее автор дает наиболее связную картину событий. Обрисовывая положение в досолоновских Афинах, Аристотель говорит (Ath. pol. 2)³:

«Надо иметь в виду, что вообще государственный строй был олигархический, но главное было то, что бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены (ἐδουλεύον οἱ πένητες τοῖς πλουσίοις καὶ αὐτοὶ καὶ τὰ τέκνα καὶ αἱ γυναῖκες)⁴. Назывались они пелатами и шестидольниками (πελάται καὶ ἑκτῆμοροι), потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей (κατὰ ταύτην γὰρ τὴν μίσθωσιν ἤρχάζοντο τῶν πλουσίων τοὺς ἀγρούς). Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом если бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих и их детей. Да и суды у всех обеспечивались личной кабалой (καὶ οἱ δανεισμοὶ πᾶσιν ἐπὶ τοῖς σφίμασιν ἤσαν) вплоть до времени Солона... Конечно, из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское по-

¹ Наиболее подробную сводку свидетельств источников по вопросу см. *Martina A. Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera*. Roma, 1968. P. 141 sgg.

² Оговорим сразу, во избежание возможных недоразумений, что мы в данной работе совершенно не касаемся вопроса об авторстве «Афинской политики» и определяем ее как сочинение Аристотеля просто для удобства изложения. Нашу позицию по данному вопросу см. *Суриков И.Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 6. Прим. 19.*

³ «Афинская политика» цитируется в переводе С.И. Радцига.

⁴ Сразу отметим небольшую неточность в переводе: в тексте сказано, что бедные находились в порабощении у богачей.

ложение. Впрочем, и всем остальным он тоже был недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли».

Данное сообщение предполагает следующую ситуацию. С одной стороны, существовала некая категория бедных граждан, именовавшихся «шестидольниками» (гектеморами) или пелатами (Аристотель, насколько можно судить, употребляет два термина как взаимозаменяемые синонимы). Эти люди отдавали богачам часть урожая, причем встречающееся в тексте выражение не позволяет судить, составляла ли эта отдаваемая доля одну шестую или, наоборот, пять шестых⁵. В то же время рабами в собственном смысле слова гектеморы не являлись. С другой стороны, упоминается долговой вопрос, усугублявшийся тем, что невыполнение должником своих обязательств вело к долговой кабале.

Далее, подробно рассказывая о реформах Солона в 594 г. до н.э., Аристотель в первую очередь останавливается на знаменитой сисахфии – «страживании бремени». Он пишет (Ath. pol. 6): «Взяв дела в свои руки, Солон освободил народ и в текущий момент и на будущее время, воспретив обеспечивать ссуды личной кабалой (τὸν τε δῆμον ἠλευθέρωσε καὶ ἐν τῷ παρόντι καὶ εἰς τὸ μέλλον, κωλύσας δανείζειν ἐπὶ τοῖς σώμασιν). Затем⁶ он издал законы и произвел отмену долгов как частных, так и государственных (χρεῶν ἀλοκοπᾶς ἐποίησε, καὶ τῶν ἰδίων καὶ τῶν δημοσίων), что называют сисахфией, потому что люди как бы страхнули с себя бремя». Затем следует известный эпизод с друзьями Солона, которые, заранее узнав о готовящейся мере, заняли крупные суммы денег, накупили много земель и стали после реформы богачами.

В «Афинской политике» еще несколько раз кратко упоминается сисахфия (Ath. pol. 10. 1; 11. 2; 12. 4; 13. 3). Но, что интересно, в связи с реформами Солона в тексте Аристотеля совершенно не появляются гектеморы. Цитированное выше свидетельство о них в самом начале сохранившейся части трактата так и остается единственным. Собственно, остается даже непонятным: а сделал ли Солон что-нибудь для аттических «шестидольников» и если да – то что?

Отчасти сходную, отчасти отличную картину представляют собой сообщения Плутарха⁷. Вот его описание ситуации в досолоновских Афинах (Plut. Sol. 13)⁸: «Весь простой народ был в долгу у богатых (ἦν ὑπόχρεως τῶν πλουσίων): одни обрабатывали землю, платя богатым шестую часть урожая (ἕκτα τῶν γνομένων τελοῦντες); их называли “гектеморами” и “фетами”; другие⁹ брали у богатых в долг деньги под залог тела (χρεᾶ λαμβάνοντες ἐπὶ τοῖς σώμασιν); их заимодав-

⁵ Oliva P. Solon und seine Seisachtheia // *Živa antika*. 1971. 21. 1. S. 113–114.

⁶ Опять неточность в переводе, причем принципиальная: в оригинальном тексте нет слова «затем». При его добавлении создается впечатление, что запрет долговой кабалы и сисахфия – две разные меры, что представляет собой, конечно, уже не перевод, а интерпретацию, причем непонятно на чем основанную.

⁷ В целом о плутарховой биографии Солона см. наиболее подробно: Mühll P. von der. *Antiker Historismus in Plutarchs Biographie der Solon* // *Klio*. 1942. 35. 1/2. S. 89–102; Paladini M.-L. *Influenza della tradizione dei Sette Savi sulla «Vita di Solone» di Plutarco* // *Revue des études grecques*. 1956. 69. P. 377–411; Piccirilli L. *Commento // Plutarco. La vita di Solone / A cura di Manfredini M., Piccirilli L.* Roma, 1977. P. 107–286; Ruschenbusch E. *Plutarchs Solonbiographie* // *ZPE*. 1994. 100. S. 351–380; *Аверинцев С.С.* Наблюдения над композиционной техникой Плутарха в «Параллельных жизнеописаниях» («Солон») // Вопросы классической филологии. Вып. 1. М., 1965. С. 160–180; Суриков И.Е. «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // *ВДИ*. 2005. № 3. С. 151–161.

⁸ Цитируем Плутарха в переводе С.И. Соболевского.

⁹ Строго говоря, слов «одни... другие» в оригинальном смысле нет. Но, похоже, смысл данной фразы Плутарха именно таков, как его передает переводчик.

цы имели право обратиться в рабство; при этом одни оставались рабами на родине, других продавали на чужбину. Многие вынуждены были продавать даже собственных детей (никакой закон не запрещал это) и бежать из отечества из-за жестокости заимодавцев. Но огромное большинство, и к тому же люди большой физической силы, собирались и уговаривали друг друга не оставаться равнодушными зрителями, а выбрать себе одного вожжа, надежного человека и освободить должников, пропустивших срок уплаты, а землю переделить (ἀφέλεσθαι τοὺς ὑπερήμεροὺς καὶ τὴν γῆν ἀναδάσασθαι) и совершенно изменить государственный строй».

Таким образом, нетрудно заметить, что в целом Плутарх следует той же канве изложения, что и Аристотель. Характерно, в частности, что и он не отождествляет гектеморов с кабальными должниками. Для него это – два разных состояния, и упоминания о них соединены союзами ἤ...ἢ, а не καὶ...καὶ и даже не μὲν...δέ. В то же время в понимании херонейского биографа источником статуса гектемора, похоже, являлись те же долги. Уже это само по себе порождает определенную неясность.

Далее, синонимом очень редкого и требовавшего объяснения термина «гектеморы»¹⁰ у Плутарха, в отличие от «Афинской политики», выступает не слово «пелаты» (кстати, само по себе достаточно редкое), а значительно более распространенная лексема «феты» (θήτες)¹¹, стандартно употреблявшаяся в древнегреческих литературных памятниках самых разных эпох для обозначения батрака, поденщика. Ясно, что слова «фет» и «гектемор» никак не могут выступать в роли полных синонимов: первое из них заведомо имеет более широкое значение, а второе – более узко-конкретное¹². Гектеморы могут быть отождествлены разве что с какой-то частью досолоновских фетов (пусть даже с большей частью), но отнюдь не со всеми ими. Однако Плутарха такого рода терминологические тонкости, конечно, не интересовали.

Зато этот автор вносит ясность в немаловажный вопрос о том, какую часть урожая гектеморы вынуждены были отдавать, а какую – оставляли себе. Он *expressis verbis* сообщает, что «шестидольники» отдавали именно шестую долю, не пять шестых. Признаться, этот вариант уже *a priori* представляется предпочтительным по сравнению с противоположным¹³. Столь высокой нормы эксплуа-

¹⁰ Точнее, «гектемории», как в тексте Плутарха. Какой вариант правильнее – аристотелевский («гектеморы») или плутарховский («гектемории») – судить теперь трудно, да это и совершенно не принципиально. Мы в дальнейшем будем придерживаться написания «гектеморы» как более привычного.

¹¹ Piccirilli. Op. cit. P. 176.

¹² Колобова К.М. Издольщина в Аттике // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 11/12. С. 13.

¹³ Он преобладает и в историографии. См., например Jones J.W. The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956. P. 238; Forrest W.G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966. P. 147; Hommel H. Solon – Staatsmann und Dichter // Die griechische Elegie. Darmstadt, 1972. S. 240; Sakellariou M. Les hectémores // Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques. P., 1979. P. 106; Manville Ph.B. The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton, 1990. P. 112; Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L. – N.Y., 1996. P. 221; Stanley P.V. The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999. P. 190 (обращаем особое внимание читателя на монографию П. Стенли: это последнее по времени и наиболее фундаментальное исследование экономических реформ Солона); Rhodes P.J. The Reforms and Laws of Solon: an Optimistic View // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden, 2006. P. 252–253. Антиковеды, отстаивающие точку зрения, согласно которой гектеморы оставляли себе лишь одну шестую

тации, как пять шестых урожая, не знало, наверное, ни одно общество, поскольку она попросту исключала бы физическое выживание эксплуатируемых, тем более на неплодородных греческих почвах¹⁴.

Чуть ниже (*Plut. Sol.* 15–16) Плутарх говорит и о сисахфии, трактуя ее вполне согласно с Аристотелем – как единовременную кассацию всех долгов в сочетании с запретом долговой кабалы на будущее. Впрочем, он тут же приводит, не соглашаясь с ней, и иную интерпретацию данной солоновской реформы, принадлежащую аттидографу Андروتioniу (*FGrHist.* 324. F 34)¹⁵. По мнению этого последнего, «...бедные удовольствовались тем, что Солон облегчил их положение не уничтожением долгов, а уменьшением процентов (τόκων μετρίότητι), и сисахфией называли этот благодетельный закон и одновременное с ним увеличение мер и возвышение стоимости денег (τῶν τε μέτρων ἐπαύξησιν καὶ τοῦ νομίσματος τιμῆς)». Далее следует уже известный нам анекдот о друзьях Солонна, обогатившихся от реформы, причем приводятся даже их имена – Конон, Клиний и Гиппоник (все как один принадлежащие сфере аристократической афинской ономастики, более того, аутентично связываемые с конкретными знатными семьями). Сам же Солон, по словам Плутарха, ссылающегося здесь на раннеэллинистического историка Полизела Родосского, напротив, проиграл от сисахфии, поскольку перед этим давал деньги в долг. Сразу подчеркнем, что вот этой последней детали мы совершенно не обязаны верить. Перед нами – типичнейший риторический мотив законодателя, пострадавшего от собственного закона (см. в качестве характерного параллельного места: *Aelian. Var. hist.* XIII. 24).

Проведя сисахфию, Солон, по словам Плутарха, «...не угодил ни той ни другой стороне: богатых он озлобил уничтожением долговых обязательств (ἀνελῶν τὰ συμβόλαια), а бедных – еще больше – тем, что не произвел передела земли (γῆς ἀναδάσμων), на который они надеялись». Однако ненависть сограждан была недолговременной. «Афиняне скоро поняли пользу этой меры и, оставив свой ропот, устроили общее жертвоприношение, которое называли сисахфией»¹⁶. Обратим внимание на то, что гектеморы опять же не ставятся ни в какую связь с сисахфией.

В целом рассказ Плутарха¹⁷ в сравнении с сухим пассажем «Афинской политики» выглядит красочнее, эмоциональнее, богаче подробностями (впрочем,

урожая, находятся в явном меньшинстве, например: *Woodhouse W.J.* *Solon the Liberator: A Study of the Agrarian Problem in Attika in the Seventh Century.* Repr. ed. N.Y., 1965. P. 42–66; *Fritz K. von.* *Schriften zur griechischen und römischen Verfassungsgeschichte und Verfassungstheorie.* B., 1976. S. 110 ff.; *Biscardi A.* *Nota minima sugli 'ectemoro'* // *Aux origines de l'Hellénisme: La Crète et la Grèce.* P., 1984. P. 193–197; *Link S.* *Landverteilung und sozialer Frieden im archaischen Griechenland.* Stuttgart, 1991. S. 25.

¹⁴ Спартанские илоты отдавали господам около половины урожая (*Sealey R.* *A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C.* Berkeley, 1976. P. 68; *Finley M.I.* *Early Greece: The Bronze and Archaic Ages.* L., 1981. P. 107), и это считалось чудовищно высокой нормой эксплуатации.

¹⁵ Об Андротиионе – одном из лучших историков античных Афин, чей труд «Аттида», к огромному сожалению, дошел до нас лишь во фрагментах; недавно, наконец, появилась фундаментальная монография: *Harding Ph.* *Androtion and the Atthis.* Oxf., 1994. Конкретно по поводу пассажа Андротииона о сисахфии см. *idem.* *Androtion's View of Solon's Seisachtheia* // *Phoenix.* 1974. 28. 3. P. 282–289.

¹⁶ Точнее, «сисахфиями».

¹⁷ Плутарх упоминает солоновскую сисахфию еще в нескольких местах «Моралий» (343d, 807de). Тот же автор пользуется термином «сисахфия» и в более широком смысле, например применительно к римским событиям (*Plut. Caes.* 37; *Lucull.* 20).

трудно сказать, насколько аутентичными). Там, где у Аристотеля говорится просто о недовольстве демоса, у Плутарха речь идет прямо-таки о подготовке бунта. Отчасти это, наверное, следует отнести на счет общей риторической и морализаторской тенденции, характерной для автора «Сравнительных жизнеописаний», но чуждой перипатетическому трактату о государственном устройстве Афин. Не лишним, однако, будет вопрос: какими дополнительными источниками, помимо «Афинской политики», мог пользоваться Плутарх.

Некоторые из этих источников он называет сам. Среди них особо следует выделить «Аттиду» Андротиона – постольку, поскольку этот авторитетный историк, как мы видели, понимал сисахфию отлично от основной линии нарративной традиции. Однако трудом Андротиона активно пользовался и Аристотель, при этом далеко не во всем с ним соглашаясь¹⁸. Кроме того, в числе свидетельств, которые в высшей степени активно привлекаются и в «Афинской политике», и в Плутарховой биографии Солона, находится одно из ямбических стихотворений этого последнего (Sol. fr. 24 Diehl). Поскольку это солоновское стихотворение очень важно и для нас¹⁹, процитируем его в нашем прозаическом переводе (в интересах наибольшей точности):

«Из тех дел, ради которых я собрал народ, что я прекратил, не завершив? Об этом могла бы свидетельствовать перед судом Времени величайшая и благороднейшая мать олимпийских божеств, черная Земля, с которой я некогда убрал поставленные во многих местах камни (ἄρους), – ранее находившаяся в рабстве, а ныне свободная. Я возвратил в Афины, на богозданную родину, многих проданных – иной раз незаконно, иной раз законно, а также и тех, кто бежал от безысходной нужды (τοὺς δ' ἀναγκαιῆς ἢ τοῦ χρεῖουσι φύγοντας) и уже не говорил на аттическом языке, так как они странствовали во многих местах. А тех, кто здесь влачил постыдное рабство, боясь нрава господ, я сделал свободными...».

По общепринятому (хотя все-таки не единогласному²⁰) мнению, данное стихотворение Солона повествует именно о сисахфии²¹ (хотя само это слово ни в этом фрагменте, ни в каком-либо другом из дошедших солоновских фрагментов не встречается²²). На него, несомненно, в значительной степени опирались и

¹⁸ *Harding Ph. Atthis and Politeia // Historia. 1977. 26. 2. S. 148–160.* Правда, Андротион в тексте «Афинской политики» прямо не упоминается. Но большая редкость ссылок на источники вообще является характерной чертой этого трактата. А в самом факте, что Аристотель хорошо знал «Аттиду» Андротиона и местами имплицитно полемизировал с ней, сомневаться не приходится.

¹⁹ Не случайно этот фрагмент Солона чаще, чем другие, изучался в антиковедении (*Loraux N. Solon au milieu de la lice // Aux origines de l'Hellénisme: La Crète et la Grèce. P., 1984. P. 208*). Укажем новейший комментарий к интересующему нас стихотворению: *Mülke Chr. Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West). Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Lpz, 2002. S. 361–397.*

²⁰ См. работу, в которой отрицается связь данного фрагмента с сисахфией: *French A. Solon's Act of Mediation // Antichthon. 1984. 19. P. 1–12.*

²¹ Уже Аристотель и Плутарх цитируют его именно в контексте сисахфии, а не в каком-либо ином.

²² Что вполне объяснимо: Солон был не историком, а поэтом, писал соответствующим стилем, и вряд ли резонным было бы ожидать от него терминологической точности. Интересно, что и в дошедших фрагментах законов Солона сисахфия не упоминается. Но и это тоже объяснимо: отмена долгов, как единоразовая мера, скорее всего, была проведена конкретной псефисмой, не включенной впоследствии в солоновский кодекс. Ср. *Ehrenberg V. From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the 6th and 5th Centuries B.C. L., 1968. P. 69; Harding. Androtion... P. 46.* В целом одним из факторов, значительно усложняющих работу с солоновским насле-

Аристотель, и Плутарх, реконструируя картину кассации долгов. Соответственно, на сам фрагмент обычно смотрят именно сквозь призму их интерпретаций²³.

Если же абстрагироваться от этих поздних интерпретаций и прочесть строки поэта-законодателя как они есть, не пытаясь пока вычитать из них больше того, что в них непосредственно содержится, смысл окажется следующим. Лейтмотив стихотворения – освобождение от рабства. Освобождаются некие афиняне, терпящие это рабство на родине; возвращаются в Аттику лица, проданные за ее пределы. Освобождается от рабства сама земля, и происходит это путем снятия с нее неких камней или столпов (ῥοι). Упоминаемые здесь ῥοι – одна из самых сложных и серьезных проблем. Перед нами типично афинская реалья²⁴, засвидетельствованная как для архаической, так и для классической эпохи, но при этом не поддающаяся точной дефиниции ввиду своей многозначности. В классическую эпоху ῥοι могли выполнять целый ряд различных функций. Они, например, служили пограничными камнями, отмечавшими пределы того или иного участка²⁵. В частности, ῥοι с соответствующими надписями маркировали границы сакрального пространства афинской Агоры²⁶.

Для позднеклассического времени очень хорошо зафиксировано употребление ῥοι в качестве закладных камней, показывавших, что тот или иной участок заложен кредитору в обеспечение долга²⁷. По аналогии считается, что аналогичную функцию выполняли и досолоновские ῥοι²⁸, и это мнение представляется оправданным²⁹. К сожалению, ни одного экземпляра таких закладных кам-

нием, является отсутствие в нем точных, терминологичных указаний на конкретные социально-экономические реалии. Так, уже неоднократно отмечалось, что Солон вообще не упоминает гектеморов (*Mossé C. Les dépendants paysans dans le monde grec à l'époque archaïque et classique // Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques. P., 1979. P. 89; Hurwit J.M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 217; Link. Op. cit. S. 26*), не встречается в его стихах и слово «долг» (*Sealey. Op. cit. P. 110; Wood E.M. Peasant-citizen and Slave: The Foundation of Athenian Democracy. L., 1988. P. 94 f.*).

²³ Такой подход справедливо критикуется в работах: *Musiolk P. Zur Problematik der solonischen Reformen // Familie, Staat und Gesellschaftsformation. B., 1988. S. 448 ff.; Rosivach V.J. Redistribution of Land in Solon, Fragment 34 West // JHS. 1992. 112. P. 154; Stanley. Op. cit. P. 1 ff.*: во времена Аристотеля (не говоря уже о временах Плутарха) социально-экономическая ситуация и все соответствующие категории были совершенно иными по сравнению с временами Солона.

²⁴ См. о происхождении реалии и термина: *Wade-Gery H.T. Horos // Melanges Gustave Glotz. T. 2. P., 1932. P. 877–887* (с интересной этимологией ῥοι от ῥαῶ).

²⁵ *Sauge A. «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern, 2000. P. 614.*

²⁶ Экземпляры таких пограничных камней найдены на Агоре. См. о них: *Lalonde G.V. Horoi // The Athenian Agora. Vol. 19. Princeton, 1991. P. 1–51.*

²⁷ Проблема ῥοι как закладных камней посвящены классические исследования: *Fine J.V.A. Horoi. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens. Princeton, 1951; Finley M.I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens. 2 ed. New Brunswick, 1985.*

²⁸ *Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 107.*

²⁹ П. Стенли считает, что ῥοι не были закладными камнями, а просто фиксировали собственность того или иного лица на тот или иной земельный участок (*Op. cit. P. 210*). Соответственно, их снятие в ходе сисахфии означало возвращение земли из-под контроля частных лиц под контроль гражданской общины (*ibid. P. 229*). Но в таком случае получается, что Солон осуществил не отмену долгов, а передел земли, по крайней мере частичный (собственно, так и считает, например, Р. Осборн (*Op. cit. P. 221*)). А между тем и Аристотель, и Плутарх специально подчеркивают, что законодатель произвел отмену долгов, но отказался от идеи передела земли, хотя этого от него и ожидали (ср. *Jeffery L.H. Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L., 1978. P. 92; Rosivach. Op. cit. P. 157; Lape S. Solon and the Institution of the «Democratic» Family Form // Classical Journal. 2002–2003. 98. 2. P. 135*).

ней, датируемого архаической эпохой, до нас не дошло³⁰. Но это как раз не удивительно. В ходе проводимой Солоном сисахфии *ῥοοι* были наверняка не просто убраны с полей, а уничтожены или выброшены за пределы Аттики³¹.

В целом цитированный фрагмент Солон сам по себе, без контекста, весьма непросто для понимания³². Из него с несомненностью вырисовывается только какой-то жестокий кризис, имевший место в Аттике на момент солоновского архонтата и реформ (594 г. до н.э.)³³. Но вот природу и причины кризиса понять значительно сложнее³⁴. Для этого волей-неволей приходится обращаться к трактовкам Плутарха и Аристотеля, даже понимая, что в этом есть своя доля риска.

Наконец, разобрав важнейшие свидетельства по интересующей нас проблематике, отметим и другие, второстепенные. Они в основном принадлежат поздним лексикографам и схолиастам. Юлий Полидевк пишет (IV, 165), что гектеморам в Аттике называются пелаты, а в другом месте (III, 82) сообщает, что пелаты и феты – названия свободных людей, из-за бедности вынужденных находиться в рабстве за деньги. В целом термины «пелат» и «фет» этот автор расценивает как синонимы слова «бедняк» (III, 111). Павсаний Аттикист (s.v. *πελάται*) тоже употребляет слова «пелаты», «феты», «гектеморы» как синонимы, а кроме того, считает, что гектеморы оставляли себе шестую часть урожая. Выше мы уже имели случай говорить, почему это крайне маловероятно; тем не менее именно такой взгляд на гектеморов был весьма популярен среди позднеантичных и византийских эрудитов (Schol. Plat. Eutyphr. 4c; Hesych. s.v. *ἐκτέμοροι*³⁵; Phot. Lex. s.v. *πελάται*; Eustath. ad Hom. Od. v. 2, p. 189). Не исключено, что все указанные пассажи восходят к какому-то не дошедшему до нас суждению Аристотеля (может быть, неправильно понятому). Ряд лексикографов

Постулируя столь грубую ошибку в нарративной традиции (искажение смысла реформы вплоть до прямо противоположного по сравнению с истинным), наверное, стоило бы привести сколько-нибудь весомые обоснования.

³⁰ *Fine*. Op. cit. P. 60; *Todd S.C.* The Shape of Athenian Law. Oxf., 1995. P. 245.

³¹ *Jones*. Op. cit. P. 245; *Connor W.R.* Tribes, Festivals and Processions: Civic Ceremonial and Political Manipulation in Archaic Greece // *JHS*. 1987. 107. P. 47–49.

³² Собственно, это можно сказать о многих, почти обо всех солоновских фрагментах. Именно (и только) в этом смысле мы готовы принять суждение Р. Сили, согласно которому стихи Солон как источник малоинформативны (Op. cit. P. 91). Они, подчеркнем, малоинформативны для нас, поскольку представляют собой вырванные из контекста отрывки. Современники же поэта-законодателя, следует полагать, прекрасно понимали, о чем он пишет.

³³ Намеки на тот же кризис встречаем и в другом программном стихотворении Солон – элегии «Благозаконие» (Sol. fr. 3 Diehl), написанной еще до реформ. В ней есть упоминание о бедняках, которых продают в чужую землю (ст. 23–25).

³⁴ Ср. *Raaflaub K.A.* Homer to Solon: The Rise of the Polis. The Written Sources // *The Ancient Greek City-State*. Copenhagen, 1993. P. 70.

³⁵ Но, с другой стороны, тот же Гесихий в другом месте (s.v. *ἐκτέμορος*) утверждает противоположное: гектеморы платили, а не оставляли себе, шестую часть урожая. Это лишний раз показывает, насколько «всеядными» были позднеантичные эрудиты. Ведь наверняка Гесихию даже не пришло в голову, что он противоречит сам себе! Просто в одном случае он переписывал из одного источника, в другом – из другого, абсолютно не задаваясь целью согласовать информацию. В связи со сказанным представляется не слишком обоснованным повышенное внимание некоторых исследователей именно к только что процитированной глоссе Гесихия (из нее делается вывод, что гектеморы были арендаторами). Все такие данные нужно воспринимать *cum grano salis*.

дает определение термина «пелаты» (Aristoph. Byz. Nom. aet. p. 279 Latte – Erbse; Dionys. Attic. s.v. πελάτης; Hesych. s.v. πελάται; Suid. s.v. πελότης), указывая, что это – бедняки, которые за плату работают на соседей или даже просят у них подаяние. Вообще в текстах греческих авторов римского времени «пелаты» – часто не кто иные, как римские клиенты (например: Plut. Pomp. 4)³⁶. Имеются поздние свидетельства и о сисахфии (Philochor. FGrHist. 328. F 114; Cic. De rep. II. 34. 59; Diod. I. 79; Dionys. Hal. Ant. Rom. V. 65. 1; Diog. Laert. I. 45; Herodian. s.v. σεισάχθεια; Hesych. s.v. σεισάχθεια; Phot. Lex. s.v. σεισάχθεια; Suid. s.v. σεισάχθεια). Все они идут в русле аристотелевской трактовки (сисахфия как отмена долгов); мнение Андротиона осталось никем не принятым³⁷.

Строго говоря, мы привели все эти указания на поздние свидетельства скорее для полноты, чем в интересах какой-то реальной пользы для исследования. По большому счету практически ничего принципиально нового они не дают, а отчасти, напротив, только запутывают ситуацию. Подчеркнем еще раз, что важнейшими для интересующей нас проблематики текстами (собственно говоря, единственными, с которыми можно полноценно работать) остаются цитированные выше фрагменты из «Афинской политики», из Плутарха и наследия самого Солона. Пожалуй, следует привести лишь еще одно место, важное для нас тем, что это единственный случай конкретного упоминания пелата не в досолоновском, а в ином контексте. Пассаж, о котором идет речь, находится в диалоге Платона «Евтифрон» (4c): главный герой этого произведения говорит: «Убитый был из моих поденщиков (πελάτης τις ἦν ἐμός); когда мы обрабатывали землю на Наксосе, он там у нас работал (ἐθήτευεν)»³⁸. Судя по употребленному глаголу, для Платона «пелат» и «фет» – синонимы.

Теперь после обзора релевантного исторического материала мы можем перейти к концептуальной части исследования, подняв некоторые из особенно спорных вопросов и попытавшись найти на них наиболее вероятные ответы. Подчеркнем, что речь может идти именно о большей или меньшей степени вероятности; категоричные суждения, претендующие быть абсолютной истиной, в большинстве случаев просто невозможны при имеющемся состоянии источников.

Напомним, что в первую очередь для нас важны проблемы, связанные с «шестидольниками» и кабальными должниками в досолоновских Афинах. Следует отметить, что в историографии вплоть до последних десятилетий решительно преобладала (да, по сути, была единственной) точка зрения, отождествлявшая эти две категории афинян³⁹. Иными словами, считалось, что причина бедственного положения гектеморов – неоплатные долги, в которые попали эти крестьяне и за которые они были вынуждены заложить свои участки богачам. Это мнение можно встретить в исследовательской литературе и по

³⁶ Levi M.A. *Commento storico alla Respublica Atheniensium di Aristotele*. Milano, 1968. V. 1. P. 27; Hahn I. *Eigentumsverhältnisse im archaischen Hellas* // Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Association d'Études Classiques. I. Budapest, 1984. P. 94.

³⁷ Как не принято оно и в современной историографии (одно из очень редких исключений: Milne J.G. *The Economic Policy of Solon* // *Hesperia*. 1945. 14. 3. P. 237).

³⁸ Перевод С.Я. Шейнман-Топштейн (естественно, не отражающий терминологических тонкостей, почему и пришлось наиболее принципиальные места привести также в оригинале).

³⁹ Хороший обзор старой литературы о гектеморах см. Cassola F. *Solone, la terra, e gli ectemori* // *Parola del passato*. 1964. 94. P. 26–68.

ныне⁴⁰, а в отечественной – особенно⁴¹. Но в целом на сегодняшний день его можно признать уже устаревшим.

Во-первых, выше мы уже видели, что для Аристотеля гектеморы и кабальные должники – отнюдь не одно и то же, а его сообщению, как более близкому по времени, необходимо отдать предпочтение перед свидетельством Плутарха. Этот последний, насколько можно судить, действительно полагал, что гектемомами крестьяне становились за долги, но это содержит в себе определенное противоречие: почему одни из должников превращались в гектеморов (стало быть, брали в долг под залог земли), а другие – в кабальных рабов (стало быть, брали в долг под залог собственной свободы)? Что мешало этим последним избрать судьбу «шестидольника», которая, нужно полагать, была все-таки полегче, чем судьба раба, которого можно было продать даже за пределы Аттики?

Во-вторых, если трактовать гектеморов как лиц, заложивших за долги свои земли богачам, то из этого логично вытекает, что земельные участки оставались юридически в их собственности, но просто временно находились в залоге. А между тем Аристотель, как мы видели выше, прямо пишет, что шестидольники обрабатывали *поля богачей*. Стало быть, механизмы собственности были какими-то иными⁴².

Наконец, теория долгового происхождения статуса гектеморов вообще предполагает, что земля в Аттике VII в. до н.э. была неотчуждаемой в частную собственность отдельных лиц или, по крайней мере, не полностью отчуждаемой, что ее нельзя было продавать и покупать. Действительно, если бы это было возможно, то зачем вообще нужно было *закладывать* участки? Бедняки, вместо того, чтобы идти в кабалу, могли просто продать их кредиторам в возмещение долгов: такой вариант был бы предпочтительней и для тех, и для других.

Но неотчуждаемость земли в афинском полисе для времени непосредственно перед реформами Солона крайне маловероятна. Это хорошо демонстрирует один пассаж из «Трудов и дней» Гесиода (ст. 341)⁴³. Беотийский поэт советует своему брату Персу вести благопристойную жизнь, чтобы разбогатеть, «чтоб покупал ты участки других, а не твой бы – другие»⁴⁴. Именно покупал (ὠνῆ), а не брал в заклад или что-нибудь в этом роде! Из этого следует, что в Беотии VIII в. до н.э. земельная собственность была уже вполне отчуждаемой и подле-

⁴⁰ Например, Jones. Op. cit. P. 238; Lotze D. Hektemoroi und vorsolonische Schuldrecht // Philologus. 1958. 102. S. 1–12; idem. Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων: Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. B., 1959. S. 3, 76; idem. Bürger und Unfreie im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 2000. S. 15–26; Lévyque P. Les hectémores // Terre et paysans dépendants dans les sociétés antiques. P., 1979. P. 118; idem. La naissance de la Grèce: Des rois aux cités. P., 1990. P. 63; Weber C.W. Athen: Aufstieg und Größe des antiken Stadtstaates. Herrsching, 1981. S. 57; Welwei K.-W. Athen. Vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis. Darmstadt, 1992. S. 150 ff.; Хаммонд Н. История Древней Греции. М., 2003. С. 174 слл.

⁴¹ Из работ самого последнего времени см. Горовой В.В. Солон и гектеморы: к вопросу о реформе денежной системы в Афинах // Античность и общечеловеческие ценности. Вып. 4. Алматы, 1996. С. 38–41; Блаватская Т.В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.). СПб., 2003. С. 381.

⁴² Ср. Sealey. Op. cit. P. 110; Sakellariou. Op. cit. P. 106; Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Camb., 1987. P. 206; L'Homme-Wéry L.-M. Eleusis and Solon's Seisachtheia // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1999. 40. 2. P. 111.

⁴³ На это обстоятельство обращено внимание в работе: Sealey. Op. cit. P. 109. Ср. также Ruschenbusch E. Über das Bodenrecht im archaischen Athen // Historia. 1972. 21. 4. S. 754.

⁴⁴ Перевод В.В. Вересаева.

жащей купле-продаже. Крайне трудно представить, что полтора века спустя в Аттике, которая по темпам развития отнюдь не была более отсталой, чем Беотия, дела обстояли иным образом⁴⁵.

Одним словом, насколько можно судить, в действительности путь развития событий, как правило, был противоположным: не от кабального должника к гектему, а от гектема к кабальному должнику. Иными словами, «шестидольник», не уплативший в положенный срок шестую часть урожая, оказывался перед угрозой долгового рабства. Но не наоборот! И уж, во всяком случае, отождествлять эти два положения никак не следует: перед нами – именно две разные проблемы, а не одна⁴⁶.

Соответственно, в антиковедении все чаще начинают появляться альтернативные интерпретации гектемов. Так, некоторые ученые склонны буквально понимать употребляемый Аристотелем в связи с ними термин *μισθωσις* (арендная плата) и считать, что «шестидольники» представляли собой некую разновидность арендаторов⁴⁷. Однако не будем забывать о том, что Аристотель, писавший в IV в. до н.э., судил о реалиях более ранних эпох, пользуясь категориями своего времени. А для VII века до н.э. мы вряд ли вправе предположить столь развитую степень арендных отношений.

Подчеркнем еще, что, может быть, не вполне оправданно толковать статус гектемов и его истоки в рамках, так сказать, «чистой» экономики. Справедливо и неоднократно подчеркивалось⁴⁸, что в целом в греческой античности (а к ее ранним этапам мы должны это отнести а *φοιότης*) экономика, в отличие, скажем, от наших дней, не представляла еще собой отдельной, автономной (т.е. эволюционирующей по собственным законам) сферы общественного бытия. Она была тесно взаимосвязана и даже переплетена с политикой и религией. В частности, очень большое влияние на ее развитие оказывали «внешние», внеэкономические факторы.

Не будет ли более перспективным посмотреть и на становление института гектемов в таком внеэкономическом ракурсе? Попытки такого рода также предпринимались. В частности, предлагалось видеть в аттических «шестидольниках» одну из многочисленных категорий патриархально зависимого населения, определяемого античными авторами посредством выражения *μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων*⁴⁹, считать, что они представляют собой явление аналогичного порядка со спартанскими илотами, фессалийскими пенестами, аргосскими

⁴⁵ Справедливым представляется уточнение Я. Печирки: говоря о частной собственности на землю в Афинах, следует помнить, что это – собственность не индивида, а ойкоса (*Pečirka J. Land Tenure and the Development of the Athenian Polis // ГЕРАΣ: Studies Presented to G. Thomson on the Occasion of his 60th Birthday. Prague, 1963. P. 192*). Но, подчеркнем, именно ойкоса, т.е. индивидуального семейного домохозяйства, а не рода, филы и т.п.

⁴⁶ *Mossé. Les dépendants... P. 89; Hurwit. Op. cit. P. 216.*

⁴⁷ *Sakellariou. Op. cit. P. 107; Manville. Op. cit. P. 115–116; Stanley. Op. cit. P. 192; Шишова И.А. Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 22–23.*

⁴⁸ Особенно настойчиво – в работах: *Finley M.I. The Ancient Economy. Berkeley, 1973; idem. Economy and Society in Ancient Greece. N.Y., 1982; Austin M.M., Vidal-Naquet P. Economic and Social History of Ancient Greece. Berkeley, 1977.*

⁴⁹ Об этих категориях населения см. наиболее подробно: *Lotze. Μεταξύ...; Gschnitzer F. Abhängige Orte im griechischen Altertum. München, 1958; Шишова. Ук. соч.*

гимнетами, критскими кларотами и т.п.⁵⁰ Безусловно, на «шкале» этих состояний гектеморы заняли бы положение ближе к пенестам, чем к илотам, поскольку степень их зависимости и тяжесть эксплуатации не выглядят чрезмерно тяжёлыми.

Однако и такому пониманию гектеморов препятствует ряд обстоятельств⁵¹. Прежде всего, почему нигде в нарративной традиции гектеморы не фигурируют в этом контексте вместе с илотами и пенестами? И еще одно соображение, не менее, а может быть, и более весомое. Перечисленные категории патриархально зависимого населения (а их перечень можно было бы продолжить за счет киллирийцев, мариандинов и др.) все как одна сформировались при сходных условиях, а именно как результат внешнего завоевания и подчинения победителями жителей покоренной местности. В Аттике – ни на каком этапе ее истории – ничего подобного, насколько известно, не было. Дорийского завоевания эта область Балканской Греции счастливо избежала. Сами афиняне впоследствии горделиво называли себя единственными в Элладе «автохтонами», что в переводе с языка мифологем на язык исторических реалий отражает значительные сравнительно с другими регионами континуитет и стабильность заселения территории.

Нам наиболее импонирует точка зрения, которая со времен классической книги У.Дж. Форреста⁵² и вплоть до наших дней получает все большее распространение⁵³. Вкратце ее можно изложить следующим образом. В первые века I тыс. до н.э., когда происходило постепенное освоение сельскохозяйственных угодий Аттики⁵⁴, локальные аристократы поощряли мелких крестьян занимать и обрабатывать пустующие участки хоры, предоставляя им защиту (в тревожных условиях ранней архаики это было весьма актуально), а взамен требуя для себя фиксированную подать – шестую долю урожая. Таким образом, формировался некий вид внеэкономической зависимости, но формировался он вполне добровольно⁵⁵. Это, конечно, не исключает того, что в дальнейшем, когда отношения уже устоялись, евпатриды для взыскания подати прибегали и к мерам принуждения.

⁵⁰ *Morris*. Op. cit. P. 205 ff.

⁵¹ Критику данной точки зрения см. *Lotze D. Grundbesitz- und Schuldverhältnisse im vorsolonischen Attika // Familie, Staat und Gesellschaftsformation. B., 1988. S. 442–447.*

⁵² *Forrest*. Op. cit. P. 147 ff.

⁵³ *Hurwit*. Op. cit. P. 44; *Harris E.M. A New Solution to the Riddle of the Seisachtheia // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.–N.Y., 1997. P. 103–112* (относительно последней работы необходима оговорка: мы солидаризируемся с автором в трактовке происхождения статуса гектеморы, но не согласны с его мнением о том, что солоновская сисахфия имела в виду именно их, а не кабальных должников).

⁵⁴ Некоторые исследователи утверждают, что в архаической Аттике имела место стенохория (например: *Manville*. Op. cit. P. 122; *Блаватская*. Ук. соч. С. 313, 315). Никак не можем согласиться с этим тезисом. Афинский полис был весьма обширен по греческим меркам, и земли в нем вплоть до V в. до н.э. вполне хватало на всех. Очень хорошо свидетельствует об этом почти нулевое участие Афин в Великой греческой колонизации. Совершенно справедливо замечает Р. Осборн, что главной аграрной проблемой архаических Афин была скорее не нехватка земель, а наоборот, нехватка рабочих рук для обработки этих земель, наличествовавших в достаточном количестве: *Osborne*. Op. cit. P. 221; ср. *Hurwit*. Op. cit. P. 80; *Rihll T.E. EKTHMOPOI: Partners in Crime? // JHS. 1991. 111. P. 102.*

⁵⁵ Вариант аналогичной точки зрения (с тем отличием, что предлагается считать институт гектеморы нововведением Драконта – тезис, не находящий никакой опоры в источниках) см. *Rihll*. Op. cit. P. 101 ff.

Итак, гектеморы – не новшество, скажем, второй половины VII в. до н.э., появившееся в связи с развитием товарно-денежных отношений (об этих последних речь еще пойдет ниже). Напротив, их статус к солоновскому времени был уже достаточно древним, можно сказать, традиционным. Просто до какого-то момента он воспринимался самими его носителями как нечто нормальное и необременительное (и действительно, выплата всего лишь шестой доли вряд ли была чрезмерно тяжелой для крестьян), а затем начал вызывать недовольство, что стало одной из причин кризиса, разрешить который были призваны реформы Солона⁵⁶. Но в чем же причина изменения отношения?

Совершенно справедливым представляется нам мнение Форреста⁵⁷, согласно которому социально-политический кризис рубежа VII–VI вв. до н.э. имел место на фоне не экономического упадка, как зачастую считают, а, наоборот, подъема. Общий уровень жизни населения в Аттике возрастал, и в результате на каком-то этапе «шестидольники» стали рассматривать собственное положение и необходимость платить богачам-аристократам подать уже со знаком негатива, как что-то нетерпимое и добиваться перемен⁵⁸.

К тому же – и это не менее важно – главной причиной «досолоновского кризиса» явился, как нам представляется, все-таки не институт гектемор, а долговой вопрос⁵⁹. Выше мы уже говорили, что его следует рассматривать как отдельную проблему, не связанную напрямую с «шестидольниками». При этом мы не можем согласиться с теми исследователями, которые, полемизируя со старой точкой зрения о гектеморах как кабальных должниках, идут при этом слишком далеко и допускают другую крайность, в принципе отрицая широкое распространение задолженности в афинском полисе конца VII в. до н.э.⁶⁰ Обыч-

⁵⁶ Ср. *Todd*. Op. cit. P. 172.

⁵⁷ *Forrest*. Op. cit. P. 154 ff. Ср. также *Schiels G.* Solon and the Hektemoroi // *Ancient Society*. 1991. 22. P. 75–90.

⁵⁸ Позволим себе здесь несколько замечаний методологического характера. Чрезвычайно распространены и в то же время совершенно превратным является мнение, согласно которому кризисы и революции вызываются ухудшением положения рядового населения. Исток этой точки зрения, очевидно, следует искать в известном учении Ленина о «революционной ситуации», одним из главных признаков которой признается «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218). Однако, даже с точки зрения ортодоксального марксизма, эта ленинская теория представляет собой не что иное, как вулгаризацию. Действительно, по Марксу, социальная революция вызывается ростом производительных сил общества и их перерастанием за рамки существующих производственных отношений (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 72). А главным элементом производительных сил является, конечно, само трудящееся население. Представление о росте производительных сил следует связывать с улучшением, а не с ухудшением положения этого населения, иначе придется вести речь не о росте, а об упадке. Эмпирический анализ конкретных фактов из разных эпох убеждает в том же. Так, в Европе Нового времени революции, как правило, происходили на фоне подъема экономики и повышения общего уровня жизни. Это справедливо по отношению и к английской революции XVII в., и к Великой Французской революции, и к русским революциям начала XX в. В условиях же понижения уровня жизни населения, особенно резкого, полноценная революционная ситуация вообще вряд ли возможна (как показывает, в частности, развитие событий в России с 1991 г.). Люди, находящиеся на грани физического выживания, не могут позволить себе такую роскошь, как борьба за достойную жизнь.

⁵⁹ *Tandy D.W.* Warriors into Traders. The Power of the Market in Early Greece. Berkeley, 1997. P. 4.

⁶⁰ Например, *Sealey*. Op. cit. P. 110; *Rhodes*. The Reforms and Laws... P. 253.

но при этом руководствуются следующим ходом мысли: массовая задолженность невозможна при отсутствии денег в экономике. В Афинах же во времена Солона никакой монеты вообще еще не чеканилось, как стало ясно в последние десятилетия благодаря работам ряда специалистов-нумизматов⁶¹.

Все это, безусловно, верно. И тем не менее не следует забывать, как минимум, о двух обстоятельствах. Во-первых, методологически неверно отождествлять отсутствие чеканной монеты с отсутствием денег как таковых⁶². До введения чеканки четко фиксируется стадия домонетных денег. При этом, подчеркнем, речь идет не о «протоденьгах» типа голов скота (применяющихся для оценки богатства уже в гомеровском эпосе) или медимнов зерна, а о самых настоящих деньгах, просто не имевших еще привычной нам монетной формы. Прекрасно известно, что в Пелопоннесе в этом качестве употреблялись металлические стержни (оболы). По весьма убедительному предположению ряда исследователей⁶³, ту же функцию могли выполнять нечеканенные слиточки серебра, особенно в Аттике, где этот драгоценный металл добывался в значительном по греческим меркам количестве.

⁶¹ Ранее наличие монеты в досолоновских и солоновских Афинах признавалось безоговорочно (*Seltman C.T.* Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Camb., 1924; *Cahn H.A.* Zur frühattischen Münzprägung // *Museum Helveticum*. 1946. 3. 3. S. 138; *Noyen P.* Aristote et la réforme monétaire de Solon // *L'Antiquité classique*. 1957. 26. 1. P. 136–141; *Hill G.F.* Ancient Greek and Roman Coins. Chicago, 1964. P. 8, 40). Однако в настоящее время справедливо отмечается, что самые ранние афинские монеты (так называемые Wappenmünzen) были отчеканены лишь в послесолоновское время, скорее всего в период правления Писистрата: *Kraay C.M.* The Archaic Owls of Athens: Classification and Chronology // *NC*. 1956. 16. P. 43–68; *idem.* An Interpretation of Ath. pol. Ch. 10 // *Essays in Greek Coinage Presented to S. Robinson*. Oxf., 1968. P. 1–9; *idem.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P. 55 ff.; *Wallace W.P.* Early Coinages of Athens and Euboea // *NC*. 1962. 2. P. 23–42; *Kraft K.* Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 1969. 19. S. 7–24; *Crawford M.H.* Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // *Eirene*. 1972. 10. P. 5–8; *Kroll J.H.* From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // *The American Numismatic Society. Museum Notes*. 1981. 26. P. 1–32; *idem.* The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26). Princeton, 1993. P. 5; *Nicolet H.* Monnaies athéniennes perdues et retrouvées // *Aux origines de l'Hellénisme*. La Crète et la Grèce. P., 1984. P. 222; *Musiölek.* Op. cit. S. 450; *Welwei.* Athen... S. 199; *Jenkins G.K.* Ancient Greek Coins. 2 ed. L., 1990. P. 25; *Reden S. von.* Exchange in Ancient Greece. L., 1995. P. 179–181; *Osborne.* Op. cit. P. 222; *Rebuffat F.* La monnaie dans l'antiquité. P., 1996. P. 36–39; *Theodorou J.* Athenian Silver Coins: 6th – 3rd Centuries BC. The Current Interpretation // *Μνημη* Martin Jessop Price. Athens, 1996. P. 53 f.; *Sear D.R.* Greek Coins and their Values. Vol. 1. Europe. L., 1997. P. 181; *Dawson S.* The Athenian Wappenmünzen // *Scholia*. 1999. 8. P. 71–77. Иногда предлагаются и еще более поздние даты для Wappenmünzen, вплоть до послеклифеновского времени (*Vickers M.* Early Greek Coinage, a Reassessment // *NC*. 1985. 145. P. 1–44), но аргументация оставляет желать лучшего.

⁶² Детальную аргументацию этого тезиса см. *Kim H.S.* Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money // *Money and its Uses in the Ancient Greek World*. Oxf., 2001. P. 7–21. См. также *Reden.* Op. cit. P. 182 ff.

⁶³ *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.–Л., 1951. С. 23; *Rhodes P.J.* Solon and the Numismatists // *NC*. 1975. 15. P. 6; *Kroll J.H., Waggoner N.M.* Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // *American Journal of Archaeology*. 1984. 88. 3. P. 333; *Furtwängler A.* Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung // *Schweizerische numismatische Rundschau*. 1986. 65. S. 164; *Ruschenbusch.* Plutarchs Solonbiographie... S. 362; *Kroll J.H.* Silver in Solon's Laws // *Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price*. L., 1998. P. 225–232; *Stanley.* Op. cit. P. 212.

Мы не можем здесь углубляться в сложный вопрос о введении монеты в греческих полисах, его причинах и целях. Отметим только, что нам представляется верной та точка зрения, согласно которой это была в значительно большей степени политическая, нежели экономическая мера⁶⁴. Собственно говоря, экономика как таковая и только она вполне могла обходиться нечеканенными (но уже стандартизованными) домонетными деньгами, которые представляли собой отнюдь не эрзац, а полноценные деньги, только без полисных эмблем.

Во-вторых, вообще не нужно так уж тесно связывать проблему денег и проблему долгов⁶⁵. Долг – весьма архаичная категория, засвидетельствованная уже для позднепервобытных обществ, возникающая задолго до товарно-денежной экономики и вне всякой связи с ней. «Если понятие займа не существует без понятий долга и возврата, то два последних понятия не предполагают с необходимостью бытие понятия займа»⁶⁶. Ранее долговое право исторически правомернее трактовать в ином контексте, а именно, в контексте так называемой «престижной экономики», существовавшей во многих (если не во всех) обществах на первых ступенях их развития⁶⁷.

Одним из существенных элементов данной экономической системы являлся церемониальный дарообмен⁶⁸. Не случайно понятие дара чрезвычайно важно в архаических социумах, к чему наиболее внимательно в мировой науке отнесся выдающийся французский социолог и этнограф Марсель Мосс⁶⁹. Дарообмен предполагал эквивалентность: «...получив дар, индивид брал на себя обязательство возместить его эквивалентной материальной ценностью, оказывался в долгу»⁷⁰ (курсив наш. – И.С.). Дар требовал «отдара»; лицо, по своим обстоятельствам неспособное отдариться или способное сделать это лишь в неадекватной степени, становилось должником. А отсюда уже могли проистекать и зависимость, и даже кабала.

Таковы, по нашему мнению, корни долгового вопроса в архаических Афинах и в архаической Греции в целом. Эпоха архаики была вращением ярко выраженного роста индивидуального начала в греческих полисах⁷¹. «Престижная эконо-

⁶⁴ Osborne. Op. cit. P. 250.

⁶⁵ Ср. Ibid. P. 221; Stanley. Op. cit. P. 212.

⁶⁶ Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993. С. 318.

⁶⁷ Элементы «престижной экономики» существовали, бесспорно, и в античном греческом мире. Крайне досадно, что до сих пор они практически не были предметом изучения в антиковедении. Взгляд на многие проблемы экономического развития Эллады именно в этом ракурсе значительно изменил бы их понимание: многие феномены, традиционно интерпретируемые в рамках товарно-денежной экономики, на деле оказались бы проявлением экономики престижной.

⁶⁸ Ср. Gallant J.W. Agricultural Systems, Land Tenure, and the Reforms of Solon // Annual of the British School at Athens. 1982. 77. P. 111.

⁶⁹ Классический труд М. Мосса «Очерк о даре» недавно, наконец, увидел свет в русском переводе (в книге: Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 83–222). О феномене дарообмена в эллинском мире (из которого, в частности, выросла широко распространенная в классической Греции практика взяточничества) см. Harvey F.D. Dona Ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics // Crux: Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste Croix on his 75th Birthday. Exeter, 1985. P. 105 ff.; *Mastrocinque A.* Il dono nel mondo greco: dallo 'status symbol' ai processi per corruzione // Processi e politica nel mondo antico. Milano, 1996. P. 9–18.

⁷⁰ Семенов. Ук. соч. С. 247.

⁷¹ Подробнее см. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 50 слл.; он же. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 213 слл.

мика» переживала расцвет; типичным явлением стали демонстративные траты, которым далеко не всегда соответствовали находившиеся в распоряжении индивидов материальные средства. Вполне закономерно, что, например, одной из самых популярных тем аристократического поэтического дискурса этого времени была тема богатства: это четко прослеживается в стихах Архилоха, Солона, Феогнида. О богатстве, как правило, много говорят в той среде, где его недостает.

Какие группы населения в Аттике рубежа VII–VI вв. до н.э. особенно страдали от долгового вопроса и, соответственно, в наибольшей степени выигрывали от солоновской сисахфии? Из сказанного уже ясно, что это были не гектеморы. Статус этой группы граждан не был порожден долгом. Бесспорно, и гектемор, как любой афинянин, мог попадать в неоплатные долги. Весьма возможно, в частности, что именно так трактовалась неуплата им положенной шестой доли урожая⁷². Однако, повторим еще раз, проблему гектеморов и проблему должников отнюдь не следует смешивать между собой, как бы часто это ни делалось ранее.

П. Стенли считает, что сисахфия оказалась особенно благотворной для зажиточных крестьян того типа, какой описан в гесиодовских «Трудах и днях»⁷³. Почему именно для них? Невозможно спорить с тем, что именно этот социальный слой, слой мелких и средних собственников-производителей, после солоновских реформ как бы воспрянул и стал со временем определяющей силой в афинском полисе⁷⁴. Но здесь главную роль сыграла не сисахфия, а другие преобразования Солона, связанные с системой имущественных классов, введением новых политических институтов и пр. В рамках настоящей работы мы не можем подробно останавливаться на данном вопросе⁷⁵. Подчеркнем лишь: нет никаких оснований считать, что крестьяне-зевгиты более, чем другие группы населения, были обременены долгами. Скорее напротив: ойкос зажиточного земледельца уже тогда (не забудем о том, что речь идет об эпохе становления полиса) проявлял, надо полагать, тенденции к достижению экономической автаркии, что предполагало минимальное по возможности обращение к займам.

Так кто же в досолоновской Аттике ходил в неоплатных должниках? Исходя из сказанного выше об истинной природе долгового вопроса в архаических социумах позволим себе высказать мысль, что среди этих лиц определенное, возможно, заметное место занимали *обедневшие аристократы*, расточившие свои состояния на престижные траты⁷⁶. Именно такие люди сетуют устами архаических лириков (Sol. fr. 4 Diehl, 9; Theogn. 53 sqq.) на то, что «дурные» богатеют, а «добрые» беднеют, «худые» становятся «добрыми», а «достойные», в свою очередь, – «худыми».

В то же самое время, когда в Афинах возник «солоновский кризис», нечто подобное имело место и в соседних Мегарах. Там не оказалось подобного Солону посредника-«центриста», который унял бы страсти; соответственно, социальная напряженность привела к политическому перевороту и установлению некой

⁷² Sakellariou. Op. cit. P. 107.

⁷³ Stanley. Op. cit. P. 218.

⁷⁴ Wood. Op. cit. P. 99.

⁷⁵ Подробнее см. Valdés Guía M. Entre el Consejo de Solón y el de Clístenes: ¿Heliea en época de Pisístrato? // Gerión. 2003. 21. 1. P. 73–91.

⁷⁶ Кстати, по наблюдениям Файна и Финли, изучавших позднеклассические орол, в IV в. до н.э. земли за долги закладывали тоже отнюдь не рядовые крестьяне.

ранней и примитивной формы демократии⁷⁷. Вождями мегарского движения были как раз неоплатные должники. Плутарх (Мор. 295d) пишет о них: «Неимущие обращались с богатыми до последней степени нагло; они, к примеру, являлись в дом и требовали богатого угощения, а не добившись, брали силой и наглостью все, что хотели. Под конец они даже издали указ кредиторам вернуть уже полученные ими проценты с долгов»⁷⁸.

Таким радикальным способом был разрешен долговой вопрос в мегарском полисе. Неверным было бы думать, что бесчинствовавшие вожди демократии тождественны беднейшим крестьянам: эти последние в начале VI в. до н.э. еще не представляли собой никакой политической силы в греческом мире. Напротив, сам стиль поведения мегарских «демагогов», как его описывает Плутарх, — это стиль типично аристократический (ср. Plut. Alc. 4).

Итак, по аналогии с Мегарами в досолоновских Афинах вычленяется слой разорившихся аристократов, которые попадали в долги, были вынуждены прибегать к займам у своих не столь знатных, но состоятельных сограждан, но в то же время ненавидели этих сограждан, считали их «дурными» и мечтали избавиться от своей задолженности. Как ни парадоксально, получается, что именно они получили от сисахфии наибольшие выгоды. Может быть, не следует так уж скептически⁷⁹ относиться к вышеупомянутому рассказу Аристотеля и Плутарха о друзьях Солона, обогатившихся в результате отмены долгов (разумеется, если очистить этот рассказ от наслоений, отражающих реалии более поздних эпох).

Характерно, что точно тому же социальному слою принадлежал и сам великий законодатель — выходец из исключительно знатной, но обедневшей семьи. Его отец, как прямо сообщается (Hermpir. fr. 7 Wehrli), порядком уменьшил свое состояние — якобы на дела благотворительности (φιλανθρωπίας... καὶ χάριτας), под которыми следует понимать все те же демонстративные престижные траты. Может быть, сам Солон и не принадлежал должникам, но, во всяком случае, испытывал определенные материальные проблемы (ср. его отношение к богатству: Sol. fr. 1 Diehl, 7 sq.)⁸⁰.

Конечно, образ Солона, угождающего сисахфией аристократам, контрастирует с тем образом друга народа и «основателя демократии», который сложился в связи с афинским реформатором в нарративной традиции начиная с

⁷⁷ Об этой мегарской демократии см. *Legon R.P. Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C.* Ithaca–London, 1981. P. 104–135; *Robinson E.W. The First Democracies: Early Popular Government outside Athens.* Stuttgart, 1997. P. 114–117; *Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции. Мегары и мегарские колонии.* СПб., 1999. С. 257–271; *Суриков И.Е. Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // Проблемы антиковедения и медиэвистики. Нижний Новгород, 1999. С. 48–52.*

⁷⁸ Перевод Н.В. Брагинской с нашей поправкой: «кредиторы» вместо «ростовщиков», в данном контексте не вполне уместных.

⁷⁹ Как, например, в работе: *Лурье С.Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века // Уч. зап. ЛГУ. № 39. Сер. ист. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 76.* Значительно более конструктивное отношение к традиции по данному вопросу см. в работах: *Хвостов М.М. Сисахтия Солона и разложение эвпатридского землевладения // Филологическое обозрение. 1897. 13. 1. С. 3–26; Manville. Op. cit. P. 115.*

⁸⁰ По поводу отношения Солона к богатству см. *Hommel. Op. cit. S. 244; Mitchell L.G. New Wine in Old Wineskins: Solon, Arete and the Agathos // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.–N.Y., 1997. P. 137 ff.*

IV в. до н.э.⁸¹ Однако в работах последнего времени все чаще (и вполне обоснованно) подчеркивается⁸², что Солон по своим воззрениям был отнюдь не «демократом», а, напротив, убежденным аристократом, что он являлся членом элиты, позиционировал себя именно в качестве такового и был озабочен в первую очередь проблемами элиты⁸³.

Как бы то ни было, нерешенным пока остается вопрос: коль скоро сисахфия не имела отношения к гектеморам и коль скоро для этих последних Солон, в сущности, ничего не сделал (во всяком случае, источники об этом не сообщают)⁸⁴, то когда и в силу каких причин исчез институт «шестидольничества»? А в том, что он исчез, сомневаться не приходится: если понятие «фет» и в классическую эпоху продолжало оставаться распространенным, если встречается в послесолоновское время и пелаты (как мы видели из цитированного выше отрывка платоновского «Евтифрона»), то термин «гектемор» для позднейших авторов стал полным анахронизмом, чем-то давно отошедшим в прошлое, вплоть даже до того, что они не вполне понимали сущность этого статуса.

Высказывалось предположение⁸⁵, что слой гектеморов (плативших, как мы знаем, свой оброк натуральными продуктами) прекратил существование не в результате какой-либо законодательной реформы, а постепенно, естественным путем, как следствие введения монеты и перевода платежей в денежную форму: вместо шестой доли урожая стала взиматься фиксированная сумма в деньгах. Позволим себе усомниться в такой реконструкции хода событий: даже после того, как монета в Аттике была введена (не ранее середины VI в. до н.э.), экономика отнюдь не сразу перешла на «товарно-денежные рельсы». Неужели, скажем, в конце архаической эпохи монетное обращение в афинском полисе было

⁸¹ См. о формировании этого образа: *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ. The-seus, Drakon, Solon and Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. // *Historia*. 1958. 7. 4. S. 398–424; *Oliva P.* Solon im Wandel der Jahrhunderte // *Eirene*. 1973. 11. P. 31–65; *Mossé C.* Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. 34. 3. P. 425–437; *Hansen M.H.* Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. 1989. 40. P. 71–99.

⁸² Например, *Stinton T.C.W.* Solon, Fragment 25 // *JHS*. 1976. 96. P. 159–193; *Garner R.* Law and Society in Classical Athens. Croom Helm, 1987. P. 63; *Barceló P.* Basileia, Monarchia, Tyrannis: Untersuchungen zu Entwicklung und Beurteilung von Alleinherrschaft im vorhellenistischen Griechenland. Stuttgart, 1993. S. 107; *Melissano P.* Solone e il mondo degli εσθλοί // *Quaderni urbinati di cultura classica*. 1994. 47. 2. P. 49–59; *Osborne*. *Op. cit.* P. 217; *Foxhall L.* A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // *The Development of the Polis in Archaic Greece*. L.–N.Y., 1997. P. 113–136; *Welwei K.W.* Ursachen und Ausmass der Verschuldung attischer Bauern um 600 v.Chr. // *Hermes*. 2005. 133. 1. S. 28 ff.; *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002. С. 242 сл.

⁸³ См. также парадоксальны, но имеющие основание суждения В. Эдера, согласно которым архаическое законодательство в целом было не результатом борьбы демоса за свои права, как часто считают, а наоборот, реакцией аристократии на ухудшение ее положения, консервативной, а не революционной мерой: *Eder W.* The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies: An Unconventional Hypothesis // *Social Struggles in Archaic Rome*. Berkeley, 1986. P. 262–300.

⁸⁴ Имеется еще компромиссная точка зрения (*Семенов А.Ф.* Сисахтия // *Гермес*. 1908. 3. 13. С. 337–340; *Sealey*. *Op. cit.* P. 111), согласно которой Солон не отменил совершенно делавшиеся гектеморами выплаты, а лишь уменьшил их. Однако и для этого мнения никакой опоры в источниках не имеется.

⁸⁵ *Stanley*. *Op. cit.* P. 227.

настолько распространено, что позволяло мелким крестьянам иметь в своем распоряжении значительные суммы денег и расплачиваться ими? Крайне маловероятно.

Предложим свое решение загадки исчезновения гектеморов (гипотеза такого рода, насколько нам известно, никем еще не выдвигалась). Тиран Писистрат, как известно, пользовался особой популярностью в среде аттического крестьянства. При этом Аристотель (*Ath. pol.* 16. 5) сообщает, что он взимал с крестьян десятину (подходящий налог в 10%)⁸⁶. Возникает определенное противоречие. Если тиран первым ввел в Афинах такого рода подать, так сказать, изобрел ее *e nihilo*, вряд ли земледельцы сохранили бы о нем благодарную память: подобные меры во все эпохи бывают крайне непопулярными. А что, если Писистрат просто «перевел на себя» те платежи, которые крестьяне ранее делали своим локальным лидерам-аристократам? Для него это стало источником значительных доходов, а положение крестьянства никак не ухудшилось. Очень может быть, что даже улучшилось, если допустить, что одновременно с «переадресовкой» подати она была снижена.

Вот тут-то самое время вспомнить о «шестидольниках». Раз они не были отменены Солоном, то, скорее всего, дожили до времен тирании. Писистрат же снизил требуемую с них подать с одной шестой до одной десятой, но при этом стал взимать ее сам. Такое предположение позволит разъяснить сразу несколько сложностей: ответить на вопросы о том, куда девались гектеморы, в чем причина расположения крестьян к основателю афинской тирании и, наконец, откуда взялись в государственной казне те значительные средства, которых требовал курс Писистрата на резкое внутреннее и внешнее усиление Афин. Правда, античные источники не упоминают эксплицитно об этой писистратовской реформе. Но здесь перед нами – не более чем проявление тенденциозности: авторы классической и последующих эпох, как правило, были склонны преуменьшать или даже замалчивать позитивные достижения представителей Старшей тирании⁸⁷.

Впоследствии, при сыновьях Писистрата подать была еще в два раза уменьшена и составила одну двадцатую, то есть всего лишь 5% (*Thuc.* VI. 54. 5). А с изгнанием Гиппия в 510 г. до н.э. она, не приходится сомневаться, была отменена полностью как наследие тиранического режима. Таким образом, окончательная ликвидация последних остатков прежнего института гектеморов совпала по времени со вступлением Афин в эпоху классики, с установлением в них демократии. Классический демократический полис предполагал полное равенство всех граждан, отсутствие каких-либо постоянных налогов или податей. Понятно, что в этих условиях «шестидольники» скоро перешли в категорию давних и полузабытых реалий. В конце концов (и произошло это не столько в античной традиции, сколько в современной историографии) они оказались прочно, но неправомерно связаны с солоновской сисахфией.

⁸⁶ *Link.* *Op. cit.* S. 37.

⁸⁷ *Shear T.L.* *Tyrants and Buildings in Archaic Athens // Athens Come of Age. From Solon to Salamis.* Princeton, 1978. P. 1–2.

PRE-SOLONIAN «SIXTH-PARTERS»
AND DEBT QUESTION IN ARCHAIC ATHENS

I. E. Surikov

In scholarly literature the question of the so-called *hektemoroi* (literally «sixth-parters», *i.e.* peasants who had to pay one sixth part of their crops) in pre-Solonian Athens is often connected with the debt question. Many historians think that *hektemoroi* were insolvent debtors who mortgaged their plots to ensure their debts. According to this theory, they were liberated by Solon's *seisachtheia* (cancellation of debts). But Aristotle and Plutarch, who give evidence on the «Solonian crisis», do not identify *hektemoroi* as debtors, and Solon himself does not even mention «sixth-parters» in his poems or his laws.

As a matter of fact, the status of *hektemoroi* did not result from any debts. The class of «sixth-parters» came into existence most likely during the «Dark Ages» as a result of extra-economical factors: in the course of the development of Attic lands local aristocrats stimulated small peasants to occupy and work free plots, while giving them some kind of defense and demanding a fixed tax (one sixth part) in return. So *hektemoroi* were not a pre-Solonian novelty, but an old traditional status. Earlier the necessity to pay one sixth part was not thought to be a heavy burden, but by early 6th century B.C. the peasants had started considering it intolerable, and it became one of the causes of the crisis.

But the main cause was surely the debt question. Although there was no coinage in pre-Solonian and even Solonian Athens, there already was some kind of pre-coin money. And the main argument is that in archaic societies the origin of debts lies not in the peculiarity of money economy, but in the ceremonial gift-exchange practiced by the aristocrats. There were many aristocrats in pre-Solonian Athens who suffered from debts, and the *seisachtheia* improved their condition.

As to the *hektemoroi*, their status was not abolished by Solon. Rather, it was modified by Peisistratos, who made peasants pay tax to him and not to their local lords, but at the same time reduced the amount of the tax from one sixth to one tenth part. Hippias reduced it further to a twentieth part, and after the expulsion of the tyrants the tax was totally abolished.